

Р. З. Исмадова

(научный руководитель М. А. Алексеева)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Авторские стратегии в повестях Л. Романовской «Удалить эту запись» и Е. Клишиной «Спойлеры»

Аннотация. В данной статье анализируется авторская стратегия современных писателей, создающих в произведениях для подростков имитацию Интернет-общения. На примере повестей Л. Романовской «Удалить эту запись?» и Е. Клишиной «Спойлеры» рассматриваются функции данной стратегии. С одной стороны, она придает произведению острую актуальность, с другой – объединяет автора, героя и читателя в едином смысловом и знаковом поле. Имитация общения в интернете дает возможность авторам показать как возможности ведения полноценного диалога, так и некоторую ограниченность средств общения пользователей сети.

Ключевые слова: авторские стратегии, Интернет – общение, блоги в литературе, современная литература для подростков.

Автор художественного текста определяет сюжет и судьбы придуманных им персонажей, а также – формы подачи информации. Но при этом автор по-разному может «проявляться» в тексте художественных произведений: он может напрямую вступать в диалог с читателем или стараться играть роль беспристрастного наблюдателя, может ассоциировать себя с одним из персонажей больше, чем с другим. Дистанция между автором и героем, своеобразие структуры повествования могут стать характеристиками авторской стратегии в произведении.

В определении авторской стратегии мы следуем за А. С. Комаровым: «Авторская стратегия – литературоведческая категория, использующаяся в коммуникативном подходе для обозначения способа отношения автора к образу героя и образу читателя в процессе художественного взаимодействия» [Комаров: URL]. При этом мы не отождествляем понятия «авторская стратегия», «образ автора» и «авторская позиция». В данной работе мы анализируем авторскую стратегию в аспекте структуры повествования.

М. М. Бахтин утверждал, что автору известно все, что знают его герои, что они видят, слышат, о чем думают. Автору известно даже то, чего они не знают, что им недоступно, «и в этом всегда определенном и устойчивом избытке видения и знания автора по отношению к каждому герою и находятся все моменты завершения целого – как героев, так и совместного события их жизни, то есть целого произведения» [Бахтин: с. 16].

С автором связана идея произведения, которая включает в себя направленную интерпретацию жизненных явлений и событий, происходящих с героем. Авторские ремарки, оценки и отступления, в которых выражается отношение к героям и событиям, обычны в классической структуре повествования. Но в анализируемых мной произведениях ключевым субъектом повествования является герой, который не просто говорит от первого лица, но имитирует медиатекст, созданный по правилам Интернет-общения. Собственно автор уходит как будто на второй план.

В соответствии с концепцией М. М. Бахтина, утрата автором позиции венаходимости может стать причиной кризиса авторства. Можно ли говорить о таком кризисе применительно к текстам, в которых авторы имитируют стратегию Интернет-общения? Каковы задачи и функции такого подхода?

Например, повесть Ларисы Романовской «Удалить эту запись» написана в виде интернет-блога Веры. Читатель знакомится с содержанием блога, узнает мысли, желания, планы девочки, решает вместе с ней ее проблемы, погружается в ее внутренний мир. Целый год читатель следит за блогом Веры, становится свидетелем ее побед и поражений, успехов и неудач. Девятый класс оказывается для Веры важным переходным периодом жизни. Перед нашими глазами происходит взросление героини, изменение желаний и приоритетов, взглядов на жизнь.

В повести Е. Клишиной «Спойлеры» Захар Табашников выкладывает в социальные сети посты о драме «Гроза», комедии «Горе от ума» и других произведениях. Вот как начинается пост о романе И. А. Гончарова «Обломов»: «За название сразу пять баллов. История дауншифтера, прокрастинатора и (простите, Ольга Леонидовна) лоха. <...> Чтоб понятнее, кино *slowlife*» [Клишина: URL]. Герой-рассказчик поспорил с учительницей литературы, что прочитает произведения программы и обсудит их в Интернете. На посты реагируют одноклассники Захара, учителя, к дискуссии подключается даже директор школы. Причем взрослые часто видят в высказываниях Захара дерзость и провокацию: «Это позор, товарищи! Писать о великой русской литературе на своем этом новоязе!!! Издевательство, если не сказать глумление!» [там же]. Одноклассники поддерживают его ироничные высказывания о классических текстах и предлагают изучать на уроках стихи современных авторов: Ах Астаховой, Али Кудряшевой, Веры Полозковой.

Образ автора в произведениях имитацией Интернет – общения проявляется иначе, чем в обычных текстах. Если художник показывает жизнь героя как смысловое целое, пытается отбросить наносное и фальшивое в герое с тем, чтобы через единичное сложилось общее представление, то авторская позиция в литературе, имитирующей общение в социальных сетях, проявляется через производимый им отбор единичных жизненных событий, которые характеризуют действительность в конкретный временной период.

В анализируемых нами произведениях явного авторского голоса не слышно, в связи с чем информацию о внутреннем мире героя, о системе его ценностных ориентаций мы получаем только через призму восприятия и мироощущения самого героя.

Вера, героиня повести Л. Романовской, сообщает о себе читателю в духе модных в Интернете опросов-списков типа «десять самых модных книг» или «сто лучших фильмов»:

Десять фактов обо мне (еще один флэш-моб):

Мне четырнадцать лет.

Я живу в Москве.

У меня есть мама и собака. Это моя семья.

Я люблю врать.

Я не люблю К. Д-ва. Я его больше не люблю!

Иногда мне снится, что я – это совсем другой человек.

У меня и у моей мамы одинаковая фамилия.

С меня еще три факта! Или два?! [Читаем вместе... : URL].

Благодаря ироничной самохарактеристике героини создается эффект правдивости, читатель верит главной героине: «У меня и у моей мамы одинаковая фамилия. Вообще так почти у всех бывает, но моя мама никогда не выходила замуж. И всю жизнь живет в одной и той же квартире. И я хожу в ту же школу, в которой она училась. В началке это было неважно, учителя младших классов часто увольняются. А предметные учителя многие те же самые. В нашей школе работают по тридцать лет (В два раза больше, чем мне сейчас. Это нереально представить). И с пятого класса они мне задают один и тот же вопрос. «А Элла П. – это твоя мама?» [там же].

На первый взгляд кажется, что героиня просто говорит о себе и о своей маме, но в данной информации слышны нотки обиды на то, что ее воспринимают не как самостоятельную личность, а как дочь Эллы П., которая когда-то училась в той же школе и была хорошей ученицей: «Я по-разному отвечаю. Географичке я вдруг наврала, что мама моя сестра. Сама не ожидала, что навру. Географичка такая слушала, слушала, а потом: «Зачем

ты врешь? Я же Элю видела недавно». А я ей всю перемену рассказывала про меня и маму. Так интересно врала, что сама жалела, что мама мне не сестра. Было бы здорово. Хотя не знаю» [Читаем вместе... : URL].

Даже несмотря на то, что героиня признается, что иногда врет «сама не знает почему» мы, читатели, не обижаемся, а наоборот, проникаемся к героине большим доверием. Она не идеальная, и она не стремится ею быть. Это располагает читателя к героине и заставляет вчитываться в ее историю с большим вниманием: «А теперь мама мне такая: «Ты должна была английский впитать с молоком матери». Ага, два раза! Ненавижу англаз! У меня его ВМ ведет. (Может, в этом году все-таки не она????!!) А ВМ у мамы не вела. Хотя маму помнит. Ее все помнят. Потому что моя мама наполовину негритянка. Мулатка. Кожа шоколадная, а волосы рыжие. Это я вру. Просто мою маму зовут Элла. Как Элли Фицджеральд. Элла – редкое имя. Поэтому учителя и помнят. Если бы я была похожа на маму, можно было бы кому угодно говорить, что мы сестры. Но я в биологического отца» [там же].

Обратим внимание на лексику и стиль высказываний: очень простые предложения, много разговорных оборотов, молодежного сленга. Установка на разговорность, которая зачастую выражается в неофициальном характере общения, позволяет максимально диалогизировать общение автора, героя и читателя и ведет к персонализации коммуникации, к актуализации позиции автора текста, к росту заинтересованности в диалоге всех участников коммуникации.

Рассмотрим фрагмент обсуждения драмы А. Н. Островского «Гроза» в книге «Спойлеры». Захар рассматривает произведение с точки зрения слегка наивного читателя, которого интересуют вопросы семейных взаимоотношений: «Вот что за проблема – съехать от матери и жить отдельно? Даже мне понятно. Я женюсь еще не скоро, а уже чувствую себя Тихоном» [Клишина: URL]. Комментируя характер Катерины, Захар отмечает, что не понимает позицию Добролюбова, скорее соглашается с Писаревым и отмечает, что героиня выбрала самый «дурацкий» способ разрешения проблемы. В целом Захар понимает произведение как психологическое повествование о доведении до самоубийства.

«Три лайка и коммент от Ольги Леонидовны: Боже, ты читал статью Добролюбова!!! Известно, что крайности отражаются крайностями и что самый сильный протест бывает тот, который поднимается наконец из груди самых слабых и терпеливых», вот почему Катерина – луч света в темном царстве!

Коммент от Печёного: У тя кукушечка улетела? Литру сдал – камон, расслабься. Чо за дела? Залип на литре, чо ли?

Печёный: Табаш, чо, реально в “Грозе” так написано? О_о

Коммент от мамы: Вот спасибо тебе, сынок, за Кабаниху! В следующий раз укажу перстом в землю и крикну: “В ноги!” А ты мне в ответ согнись в поклоне.

Я: Сорян, мам, но ты и вправду так говоришь.

Печень: Попадос, чувак» [Клишина: URL].

Казалось бы, в данной дискуссии нет собственно анализа проблематики произведения, но здесь отражается живое восприятие классического текста современными школьниками. Точнее, имитация такого живого восприятия. Автор не случайно добавляет в реплики комментария позиции взрослых (учительницы и мамы), чтобы заострить проблему взаимоотношения отцов и детей в драме А. Н. Островского и подчеркнуть ее актуальность. Авторского голоса нет, но авторская позиция проявляется в построении системы высказываний персонажей.

Закономерно, что в произведениях симитацией Интернет-блога доминирует речь главных героев – от первого лица. Но авторы часто используют и приемы внутреннего монолога, и приемы несобственно-прямой речи. В результате возникает иллюзия того, что автор и персонаж сливаются в одном сознании.

Мы можем согласиться с Ю. М. Сергеевой, которая считает, что внутренняя речь является важнейшим средством интимизации повествования, благодаря чему происходит сокращение дистанции между читателем и персонажем «вследствие видимой отстраненности автора от изображения когнитивных процессов персонажа». Внутренняя речь призывает читателя к самостоятельной расшифровке моделируемого в тексте внутреннего мира героя. В результате этого происходит взаимодействие «реального когнитивного субъекта – читателя и квазисубъекта – персонажа, в котором оба выступают как самостоятельные языковые личности» [Сергеева: URL]. Таким образом, внутренняя речь в художественном произведении вызывает высокую читательскую активность и «позволяет автору, создавая иллюзию собственного отсутствия, воздействовать на читателя через изображенную в тексте активную рефлексию» [там же].

Обратимся к примеру из повести Е. Клишиной. На первый взгляд, мы слышим только самого героя: «Алё, пипл. Такая тема. Ток вы сильно не удивляйтесь. Решил тут попостить кое-что, типа «читал и много думал». Поехали. Островский, «Гроза». <...> Купчиха Кабанова, видимо, в той или иной степени живет в каждой матери, а иногда даже и в отце. Купец Дикой – это, конечно, крайний случай, ЧСВ (чувство собственной важности) у него так и зашкаливает, вообще клиника» [Клишина: URL].

Своеобразие стратегии в повести Е. Клишиной заключается в том, что герой-повествователь свою внутреннюю речь сразу объективирует, его прямое слово становится почти прямым отражением необработанной внутренней речи. Читатель быстрее узнает себя в этой несовершенной речи, чем в тщательно выстроенном высказывании «от автора». Пример из повести Л. Романовской: «Сижу на каблуках, в платье и учу Continius! И он офигенно учится, скажу я вам! Жалко, что нельзя на тот свет отправить смс или фотку переслать. Представила, как дед снимок меня в этом платье по всей умершей родне расшаривает. «Какая у меня внучка выросла!». И ангелы лайкают» [Читаем вместе... : URL].

Герои в данных произведениях ведут активный диалог с другими персонажами, общаясь с ними в социальных сетях. Но к этому диалогу очень быстро подключается и читатель, который может узнать себя или свое окружение в репликах и оценках героев. Адресат и адресант сообщения вступают в субъектно-субъектные отношения между собой, становясь реальными участниками общественного диалога. И авторы на этот диалог рассчитывают.

В аспекте сказанного можно говорить о том, что позиции автора, героя и читателя медиатекста в определенном смысле уравниваются. Носители разных типов сознания и авторы высказываний выступают как полноценные партнеры в поиске, в обработке и в распространении информации.

При использовании авторской стратегии «имитация Интернет-общения» усиливается динамичность развития действия, повествование становится более эмоциональным и психологичным. Данная стратегия выдвигает героя и читателя на первый план, что способствует повышению творческой активности адресата и привлекает читателя к самостоятельной расшифровке идей произведения, дает возможность читателю и герою сблизиться в ситуации узнавания и активном диалоге. Читатель узнает себя в слове и поступках героя, при этом оценочные суждения автора, которые могли бы претендовать на позицию морализирующего авторитета, отсутствуют. Но при этом автор проявляет себя в отборе ситуаций, в логике развития сюжета, в композиции произведений. Недостаток у данной стратегии один: язык Интернет-общения изменяется стремительно. Как показывают опросы читателей сегодня, язык героев произведений, созданных буквально несколько лет назад, уже кажется устаревшим и искусственно построенным: сейчас так уже не говорят.

Литература

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т.1.: Философская эстетика 20-х гг. М.: Русские словари, Языки русской культуры, 2003.

Клишина Е. Книжник. [Электронный ресурс]. URL: <https://knizhnik.org/elena-klishina/spojlery/1> (дата обращения – 25.04.2022)

Комаров А. С. Авторские стратегии в процессе художественного общения с читателем [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-strategiya-v-protsesse-hudozhestvennogo-obshcheniya-s-chitatelem/viewer> (дата обращения – 07.04.2022)

Сергеева Ю. М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы): автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2009. 35 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/vnutrennyaya-rech-kak-osobaya-forma-yazykovogo-obshcheniya-na-materiale-angloyazychnoi-khudo> (дата обращения - 07.04.2022).

Читаем вместе. Навигатор в мире книг. Удалить эту запись? [Электронный ресурс]. URL: <http://chitaem-vmeste.ru/reviews/udalit-etu-zapis> (дата обращения – 07.04.2022)

Ismatova R. Z. Author's strategies in the novels of L. Romanovskaya «Delete this entry» and E. Klishina «Spoilers»

Abstract. This article analyzes the author's strategy of modern writers who create an imitation of Internet communication in works for teenagers. Using the example of the novels by L. Romanovskaya «Delete this entry?» and E. Klishina «Spoilers», the functions of this strategy are considered. On the one hand, it gives the work an acute relevance, on the other hand, it unites the author, the hero and the reader in a single semantic and symbolic field. Imitation of communication on the Internet allows the authors to show both the possibilities of conducting a full-fledged dialogue and some limited means of communication of network users.

Keywords: author's strategies, Internet communication, blogs in literature, modern literature for teenagers.

Н. Б. Король

(науч. руководитель О. А. Иоскевич)

Гродненский государственный университет,
Гродно, Беларусь

Особенности функционирования эпистолярного жанра в прозе М. Шишкина (на материале романов «Венерин волос» и «Письмовник»)

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования эпистолярного жанра в романах М. Шишкина «Венерин волос» и «Письмовник». В работе исследуются основные признаки анализируемого жанра, авторская интенция при включении эпистолярных элементов в основной нарратив романа «Венерин волос», выявляется связь между авторским вниманием к эпистолярной форме и шишкинской философией онтологичности Слова. Проводится сравнительный анализ эпистолярного жанра в «Венерином волосе» и «Письмовнике», на основе чего описывается развитие авторской мысли и авторского понимания Текста.

Ключевые слова: Михаил Шишкин, эпистолярный жанр, трансформация, полифония.

Современное литературное пространство характеризуется полифоничностью голосов, эклектичностью форм и жанров, а также смещением акцента с Автора как субъекта мысли и носителя высшего смысла на текст. Это связано с философией постмодернизма и понятием «смерти субъекта», разрабатываемого Ж. Батаем, Р. Бартом, Ж. Дерридой, М. Фуко и др.